

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ИДЕОЛОГИИ

Проблема идеологии - одна из самых малоисследованных в истории политической мысли, поэтому она породила ряд аналитических и концептуальных сложностей. И дело не только во множестве концептуальных подходов, которые существовали в прошлом и существуют в настоящем, но и в том, что идеология как социально-духовный феномен так или иначе связывается практически со всеми сферами общественной жизни современных индустриальных обществ.

В этих сферах можно обнаружить большое количество противоречивых явлений, которые накладывают свой отпечаток на связанную с реальной действительностью идеологию. Именно противоречивостью самой идеологии объясняется порождение различных подходов ученых к феномену идеологии. И если прав был Гегель, отметивший, что критерием истины является противоречие, а его отсутствие - критерием заблуждения, что само истинное есть "единство противоположных определений" [1], то предметная сущность идеологии должна выявляться именно в связи с ее внутренней противоречивостью.

Многие исследователи затрагивают эту проблему лишь опосредованно, особенно не вникая в ее суть, так как она освещается у них в другом контексте. Другие рассматривают внутреннюю противоречивость идеологии только с функциональной точки зрения. Третьи видят эту противоречивость только "внутри" самой идеологии, оставляя вне поля зрения ее функциональную сторону. На наш взгляд, рассмотрение противоречивости такого многогранного, многоуровневого и сложного явления, как идеология - занятие не простое, ибо невозможно в одном или даже нескольких трудах полностью раскрыть эту проблему. Из многих противоречий идеологии в рамках одной статьи можно попытаться выделить лишь наиболее значимые из них. На наш взгляд, очень отчетливо проявляются десять пар противоречий идеологии.

Говоря о первой паре противоречий следует отметить, что любая идеология есть, с одной стороны, выражение интересов, взглядов, идей определенных социальных групп, а с другой - то, что выходит за рамки этих позиций, смыкается с общечеловеческими ценностями, наиболее общими идеями гуманизма и демократии. Соотношение социально-классовой и общечеловеческой сторон идеологии со временем меняется, преобладание одной из них сменяется верховенством другой. Однако абсолютного значения ни та, ни другая никогда не получают. Поэтому суждения об исключительном классовом содержании любой идеологии,

равно как и утверждения о таком примате общечеловеческих ценностей, при котором идеологии изживают себя, одинаково несостоятельны.

Идеология как социально-групповое явление никогда, хотя бы в силу своей национальной и вообще исторической обусловленности, не может исключать того, что имеет значение для всего общества. Ни одна идеология не отказывается от апелляции к общечеловеческим интересам и ценностям, к таким идеалам, которые имеют отношение не только к отдельным социальным группам, классам, но и, например, ко всему роду, нации, стране, ко всему человечеству.

Исходя из того, что общечеловеческая сторона идеологии не только существует, но и неуклонно расширяется, некоторые авторы усматривают в этом тенденцию или превращения всей идеологии в общечеловеческую, или же завершения всей ее истории. Ошибочность такого подхода состоит, в частности, в том, что никакое общество будущего, вопреки прежним широко распространенным представлениям, не освободится от социальной дифференциации, деления на социальные и национальные группы, и потому идеология всегда будет связана с определенными социально-групповыми интересами. В идеологии вместе с общезначимым взглядом на общество всегда будет присутствовать и особое отношение каких-то общественных сил к данному обществу, его проблемам и целям, оценка с их стороны его состояния и перспектив.

Определенным продолжением, развитием указанного противоречия можно считать общесоциальное и отдельно-групповое противоречие. Всякая идеология, представляющая интересы отдельных социальных групп, выступает обычно и как выражение интересов и потребностей всего общества. Эта сторона идеологии равно относится как к прогрессивным общественным группам, их партиям и организациям, так и к реакционным, регрессивным: и те, и другие одинаково представляют себя как приверженцев успехов, достижений, лучшей судьбы страны, государства, общества.

Важные особенности идеологии обусловлены наличием в ней другой пары противоречий: между объективным, предметно-реалистичным и субъективным, ценностно-оценочным. Эта пара выступает нередко как истинное, правдоподобное и извращенное, ложное, мифологическое. В идеологии соединяется то, что является заинтересованным, ценностным восприятием социальной действительности и то, что противоположно ему, - познание мира как незаинтересованное, беспристрастное, претендующее на истину. Без таких противоположностей, их относительного единства никакой реальной идеологии не существует.

Следовательно, любая идеология не является и не может быть, с одной стороны, полностью научно истинной, а с другой - только лишь вымыслом, ложным сознанием, намеренным или невольным искажением действительности. Она всегда в той или иной мере включает в себя как

субъективно-ценностные факторы, так и элементы объективно-истинного отражения мира, правдоподобного и нередко научного толкования социальных процессов. Этим обеспечивается более или менее устойчивая реальная связь идеологии с жизнью, что необходимо для распространения идеологии, ее превращения в активно действующую общественную силу. Поэтому перед идеологами, особенно перед теми, кто представляет собой наиболее перспективные, идущие в ногу с историей слои, неизменно стоит задача тесно связать, органично объединить цели, идеалы, ценностные ориентиры, с объективно-правдивой картиной мира, должное с необходимостью.

Поскольку момент правильного, объективного в составе идеологии не отрицается, а предполагается, многие ученые считают вполне возможным существование "научной идеологии". Таких взглядов придерживается, например, российский ученый П.А.Рачков, хотя "научность" идеологии он видит не в абсолютном, а в определенном относительном значении [2]. Подобные утверждения ученых, как правило, сопровождаются обтекаемыми и расплывчатыми формулировками, призванными смягчить столь категоричное утверждение о "научности" идеологии. Однако, на наш взгляд, никакие объяснения и доводы не могут подогнать этот феномен под понятие "научности". Теоретические конструкции и концепции (в том числе научные), лежащие в основе любой идеологии не способны сделать ее научной, так как они сами преломляются сквозь определенные системы ценностей и теряют свою "искомую" силу. С другой стороны, понятие "научности" столь однозначно, что не приемлет каких-либо оговорок относительно степени ее объективности.

Таким образом, идеология, хоть и частично отражает реальную действительность и тесно связана с ней, и иногда даже через нее возможно объективно оценить отдельные стороны социальной действительности, тем не менее не может претендовать на роль науки в обществе. На наш взгляд, следует различать такие понятия как "научность" и "познавательная ценность". Идеология в данном случае, будучи ненаучной, но в то же время социально обусловленным явлением, может представлять для общества соответствующую познавательную ценность, то есть выполнять когнитивную функцию.

В составе развитых идеологий имеются политические идеи и программы; здесь представлены помологические знания (о закономерностях в природе и обществе), знания структур, функций тех или иных системных образований, аксиологические знания (о потребностях, интересах и целях разных социальных групп и классов) и праксеологические знания (об эффективных способах реализации общих социальных целей). Последние часто выражаются в форме лозунгов, призывов, задач, призванных связать теоретический уровень идеологии с практикой, с

воздействием теории на сознание людей. В этом своем качестве идеологическое знание оказывается повернутым своей действенно-практической стороной и напоминает своего рода методические рекомендации научного знания.

Целая плеяда мыслителей относилась и относится к идеологии как, исключительно ложному или, в лучшем случае, иллюзорному знанию. К таким мыслителям можно причислить К.Мангейма, К.Маркса, представителей идейного течения “деидеологизации” раннего периода (Э.Шилс, Д. Белл, С. Липсет, Р. Арон) и других. Такой взгляд на идеологию присутствует и у многих представителей постсоветской науки. Например, нельзя согласиться с категоричным тезисом российского ученого А.А. Зиновьева о том, что “понятие истины к идеологии неприменимо, как оно неприменимо и к религии. Идеология оценивается не критериями истины, а критериями адекватности”, т.е. ее соответствия потребностям определенных групп людей, ее нужностью и эффективностью” [3]. “У идеологии и науки, - пишет он в другой работе, - разные задачи: у первой - организация общественного сознания, осуществление идейного диктата, у второй - познание мира, развитие творческого начала. К тому же идеология рассчитана на массы, на манипулирование ими, она связана с рядом несбыточных проектов, а наука предполагает профессиональное образование и не рассчитана на всех. Если бы, к примеру, марксизм был наукой, он никогда не имел бы массового успеха” [4]. Понятно, что автор исключает не только тождественность идеологии и науки, но и вообще возможность включения в идеологию элементов истинного отражения действительности. Здесь необходимо заметить, что определенные объективные знания несет в себе не только идеология, но и, приравниваемая к ней Зиновьевым, религия. Через них человек всегда старается познать и осознать окружающий мир.

Третья пара противоречий, присущих идеологии, выражается в противоречивом единстве теоретического, концептуального и социально-психического. Социальная психика выступает как определенная исходная предпосылка, одно из оснований идеологии, а идейно-теоретические концепции, в свою очередь, проникают в массовое, обыденное сознание, формируют его, вносят в него идейно-ценностную системность. Происходит взаимопроникновение противоположных сторон и-как результат - возрастание реального значения, активно действенной силы каждой из них. Взаимопереплетение идеологии и общественной психики подталкивает многих исследователей к поиску “психологических схем” построения идеологии, тем самым и к недооценке активной роли последней по отношению к социальной психике (представители “психоаналитического” подхода).

Следует особо отметить, что идеология не ограничивается концепциями, создаваемыми интеллектуалами, и охватывает различные сферы общественного и индивидуального сознания – “от научного знания до религии и повседневных представлений о надлежащем поведении вне зависимости от того, истинны эти представления или ложны” [5]. В этом определении особое значение имеет то обстоятельство, что речь идет о надлежащем поведении, независимо от того, имеют ли идеологии повседневный характер, привнесены ли религией, либо являют собой трансформацию научных знаний в “программу поведения”.

Здесь следует обратиться к вопросу о различии “написанных” идеологий от “неписанных”. Еще Маркс и Энгельс говорили об объективном процессе формирования идеологии, о его “социальной обусловленности”. Иногда идеологи сами не в состоянии воспринимать те “движущие силы”, которые подталкивают их к созданию тех или иных идеологических концепций, иначе их “не назвать идеологиями” [6]. Маркс, считавший, что идеология создается “мыслителями” класса, не отрицал того факта, что “на основе материальных условий и общественных отношений” весь класс творит не только своеобразные чувства и иллюзии, но и образы мысли и мировоззрения [7].

Идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами. Обычно имеется в виду материальная сила теории. В то же время неправомерно постулировать “нетеоретичность” обыденного сознания и сводить его к общественной психике. Регуляция поведения осуществляется с помощью “повседневных теорий” (неписанных идеологий), концептуализирующих ценности и интересы. При этом усвоение теории в повседневной жизни “начинается уже в практике приспособления поведения к внешним требованиям культурной формы и носит характер постепенного разъяснения, понимания и уточнения смысла символических аспектов поведения”, – пишет известный исследователь Л.Г. Ионин [8].

В рамках исторической антропологии убедительно доказана относительная самостоятельность каждой из двух идеологий – первой, творимой интеллигенцией (“писанной”), и второй, имеющей хождение в массах (“неписанной”). Е.М. Штаерман, показавшая сходство образов, содержащихся в сочинениях философов первых двух веков Римской империи и в эпитафиях “маленьких людей”, объясняет это сходством “умонастроения”, типичного для Рима этого периода [9]. А.Б. Ковельман, решавший проблему взаимоотношения “культуры масс” и “культуры верхов” в птолемеевском Египте, считал, что то и другое (несмотря на их противоположность) объединяет риторический стиль. “Синтез философии с риторикой, – пишет он, – пропитывает и христианскую проповедь и стоическую диатрибу. Вторая софистика создает язык элиты, а говорят на нем массы” [10]. Аналогичную проблему ставит А.Я.Гуревич, характеризуя

средневековую народную культуру: “Великий немой”, “великий отсутствующий”, “люди без архивов и без лиц” – так именуют современные историки народ, когда для него был закрыт непосредственный доступ к средствам письменной фиксации культурных ценностей” [11]. Гуревич отмечает, что не только язык, но и содержание литургических текстов “приноравливалось” к сознанию паствы, актуализируя определенный пласт идей и представлений. Таким образом формируется культурно-идеологический комплекс, который А.Я. Гуревич называет “приходским католицизмом” [12].

Приведем пример бывшего Советского Союза. Хотя “советский человек” оставался “немым” не в меньшей степени, чем человек Средневековья, нет оснований отождествлять официальную коммунистическую идеологию с тем комплексом идей, которые разделялись “народом” и определяли поведение большинства населения. Идеологию “советского человека” нельзя считать также лишь примитивизированной марксистско-ленинской идеологией. Проблема двух идеологий решается в данном случае как проблема “двоемыслия”, несоответствия официального и “приватного”, которому были подвержены и “верхи”, и “низы” советского общества. При этом “широко понимаемая двойственность, бинарность нормативно-ценностных регуляторов может считаться свойством любых социо-культурных систем и эпох” [13]. Ю.А. Левада считает, что именно в советском обществе двоемыслие становится тотальным, ничем не ограниченным, хотя в первую очередь “школу двоемыслия” проходили элитарные слои [14].

Компонентами “повседневной идеологии” являются социальные представления. Они не считаются исключительно эмоциональными образами социального мира, а представляют собой субъективные конструкции, направленные на рационализацию и объяснение действительности. Именно эти конструкции обеспечивают выполнение обыденным сознанием идеологических функций. Совокупность представлений, образующих такую идеологию, является относительно целостной системой субъективных конструкций, характеризующейся большей или меньшей степенью устойчивости [15].

Четвертая пара противоречий, характерных для идеологии, состоит в том, что в ней обычно сочетаются позитивно-актуальная, современно-значимая и романтично-утопическая стороны. Содержание идеологии, особенно ее прогностической части, далеко не всегда совпадает с тем, что ею провозглашается. Это в значительной мере обусловлено тем, что любая идеология включает в себя утопическую идею, своего рода идеальное, которое должно наступить в будущем [16]. При этом утопия выступает в качестве компонента, составной части всякой идеологии. Люди, как известно, не могут жить без образа будущего, без перспективы, придающей

смысл и настоящему. Мир без идеологии и утопии, по мнению Мангейма, утратил бы многомерность, означал бы торжество насквозь рационализированного порядка, "прозаического утилитаризма", уничтожающего человеческую волю, человек перестал бы быть творцом истории [17].

Утопическая часть идеологии тесно соседствует с той, в которой выражается не будущее, а настоящее, отношение к уже существующему порядку. При этом не исключаются и такие отношения между этими частями, при которых утопическая часть будет не столько выражать взгляды на будущее, сколько служить прикрытием целей, связанных с настоящим. Особенность отношений названных частей состоит в том, что самостоятельная жизнь утопии заканчивается, когда она связывается с реальным движением организованных масс, с предсказанными формами власти, т.е. когда становится былью категоричное утверждение идеологов: будущее не просто предсказуемо, оно сотворимо коль не сегодня, так завтра. В результате одна сторона противоречия может переходить в другую: утопия - в реальность, а последняя - в источник новой возвышенной идеи, образа наилучшего будущего. Такая диалектика обусловлена тем, что обе стороны идеологии - актуально-современная и перспективно-утопическая - возникают на реальной социально-экономической и политической основе.

Пятая пара противоречий - это устойчиво-постоянная и преходяще-временная компоненты идеологии. У каждой идеологии есть свой теоретический каркас, исходные принципы, которые обладают устойчивым постоянством и служат основным определителем отношения идеологии к ее идейным, философским и культурным истокам, к ее оценке настоящего и будущих перспектив. Вместе с этим в идеологии имеются и подходы, решения частных, исторически преходящих, конкретно-данных вопросов, которые со временем или "стареют", утрачивают свою актуальность или заменяются ввиду их явной необоснованности, иллюзорности. К этой "второй" части идеологии примыкают различные толкования проблем, определенный плюрализм мнений. Это обстоятельство, например, позволило большевикам в 1921 году применить на практике, казалось, противоречащие их основным идеологическим принципам, товарно-денежные, рыночные отношения. Последние, по их убеждению, должны были обеспечить необходимую для построения социализма материально-техническую базу. Однако очень скоро все нововведения доказали свою эффективность и конкурентоспособность по отношению к государственному сектору экономики, в результате чего они были ликвидированы. Иначе все это грозило обернуться идеологической катастрофой для большевистской партии.

Если отмеченные расхождения между постоянными и временными компонентами затрагивают основы идеологии, это ведет к их изменению, и

даже появлению новых идеологий, к плюрализму не только внутри, но и вне, т.е. к такому расширению сферы плюрализма, которое касается всей идеологической жизни общества. С названным аспектом идеологии тесно связаны противоположности монистического и плюралистического, традиционного и новаторского, которые, как и другие противоположности, также взаимосвязаны и проникают друг в друга.

К шестой паре можно отнести противоречивое единство таких сторон идеологии, как сложное и простое. Идеология, с одной стороны, предполагает глубокий анализ социальной действительности, решение сложных теоретических проблем, которые не всегда можно выразить простым, доходчивым языком. С другой стороны, идеология, создаваемая не просто для решения каких-то социально важных теоретических проблем, а для активного воздействия на массы людей, не может не адаптироваться к ним, устранившись от попыток, стремлений выражать наиважнейшие социальные вопросы простейшими средствами, т.е. реализовывать в своих идейно-теоретических построениях принцип народности. Это, конечно, не должно доходить до крайностей, растворения одной из этих сторон идеологии в другой. Сложное и простое соединяются в идеологии так, чтобы теоретически сложное выражалось в таких простых, ясных и доходчивых формах, которые, однако, не опускаются до элементарно-поверхностного уровня, а в каждой из таких форм - будь то лозунги, формулы действия, воззвания, наглядные плакаты и т.п. - схватывалась бы суть социальных процессов, основной смысл теоретических концепций.

Любая идеология вбирает в себя абстрактно-теоретический, социально-философский и актуально-практический аспекты. Это обстоятельство можно считать седьмой парой противоречий. Указанные аспекты прямо связаны с основным назначением идеологии - быть руководством к действию, средством укрепления или, наоборот, изменения, преобразования существующего социально-экономического строя. Как и в других парах противоположностей, данные аспекты, стороны идеологии тесно взаимодействуют, предполагают друг друга, не существуют сами по себе. Это проявляется как в итоговой практической направленности всякой идеологической теории, так и в связи идеологии с сугубо практическими, актуально-действенными рекомендациями: как действовать, во имя чего, какие средства использовать.

Идеологии выполняют мобилизующую и интеграционную функции, объединяющие людей в социальное целое. Они поднимают, направляют социальные слои и классы общества на определенные действия, воодушевляют на борьбу за свои интересы. Идейное единство сплавляет людей, формирует политическое сообщество, способствует возникновению чувства коллективного "мы". Вместе с тем, идеологии, формируя

самосознание отдельных социальных слоев и групп, или же национальных общностей, фактически, обособляют их от других подобных субъектов. Тем самым происходит, своего рода, дезинтеграция внутри общества, связанная с уточнением позиций субъектов и ведущая к их разъединению. Указанное обстоятельство можно также приписать к противоречивой сущности идеологии и считать восьмой парой противоположностей.

К девятой паре противоречий можно отнести проявляющиеся в идеологии, с одной стороны, критическое отношение к явлениям общественной жизни и, с другой, - выделение ряда подобных явлений в качестве позитивных, идеальных, достойных подражания. Идеологии обладают критическим зарядом осмысления действительности и ниспровержения иных идеологических кумиров. Однако, они создают свои ориентиры общественного развития, свои оценки и непререкаемые принципы в отношении к действительности, своих харизматических кумиров.

С девятой парой противоречий тесно связана десятая - противоречие между легитимацией и делегитимацией, которые переплетаются в любой идеологии. Важнейшей функцией политической идеологии является легитимация власти определенных политических сил и режимов. Преобладающие идеологии, с одной стороны, обосновывают господство определенных политических сил, с другой, - стараются лишить всяких оснований притязания оппозиции на власть. Контридеологии также выполняют эту функцию, ибо они легитимируют право на государственную власть оппозиционных сил.

Таким образом, мы попытались выделить десять, на наш взгляд, наиболее существенных противоречий, проявляющихся в идеологии. Они относятся как к самой сущности идеологии, то есть внутреннему ее содержанию, так и к ее функциональной стороне, то есть ее роли в общественной жизни. Естественно, этим не может ограничиться раскрытие противоречивой сущности идеологии. Этот сложный феномен требует очень скрупулезного, разностороннего и разноуровневого анализа со стороны многих исследователей.

Выявление противоречивой сущности идеологии вовсе не означает, что этот феномен духовной жизни общества не проявляет себя с обратной стороны, то есть не способствует ликвидации существующих противоречий. Идеологии, как и общество в целом, находятся в постоянном поиске путей преодоления существующих противоречий. Эти пути указываются в теоретических построениях, нацеленных на будущее, особенно отдаленное. Те, кто опирается, например, на религиозную идеологию, т.е. использует религию для выражения своих социальных взглядов и программ, рисует будущее общество - Царство духа, Царство Боже или какой-либо иной социальный порядок - таким, где противоречий в основном уже нет. Такой же подход был характерен и для коммунист-

тической идеологии, которая предвещала полное преодоление в будущем, при коммунизме, всех противоречий общества.

Не трудно, таким образом, увидеть, что идеология так или иначе - всецело или частично, применительно к будущему или к настоящему - вместе с отражением противоречий прошлого или существующего общества выражает обычно устремленность, нацеленность на их ликвидацию, на создание внутренне единого, бесконфликтного социального строя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г. Работы разных лет. Т.2, М.: Мысль. 1973, с. 446
2. Рачков П.А. Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. №2. 1999, с. 35
3. Правда. 1 марта 1995 г.
4. Зиновьев А.А. Искание истины. Советская Россия. 22 ноября 1997 г.
5. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер С. Социологический словарь. Казань: Изд-во Казанского университета 1997, с.98
6. Энгельс Ф. Письмо Ф.Мерингу // Маркс К., Энгельс Ф. Собр.соч. в 50-ти томах. М.: Политиздат, 1955 - 1981. Т. 39, с. 83
7. См.: Маркс К. Энгельс Ф. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К, Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. М.: Госполитиздат. 1957, с.145
8. Юний Л.Г. Социология культуры. М.: Логос. 1996, с.221
9. См.: Штаерман Е.М. Социальные основы религии древнего Рима. М.: Наука. 1987, с. 214
10. См.: Ковельман А.Б. Риторика в тени пирамид: Массовое сознание Римского Египта. М.: Наука. 1988, с. 13
11. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство. 1981, с. 8
12. См.: там же, с. 24
13. Левада Ю.А. Возвращаясь к феномену "человека советского": проблема методологии анализа // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения: Информационный бюллетень. 1995. №6, с. 15
14. Там же
15. См.: Rokeach M. Beliefs, attitudes and values: Theory of organization and change. San Francisco: Jossey-Bass Inc., 1972. p. 3
16. См.: Кольев А.Н. Политическая мифология: Реализация социального опыта. М.: Логос. 2003, с.с. 211-212
17. См.: Мангейм К. Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист. 1994, с.218